

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 7

A 1396005

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2007

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА

Публикация и комментарии В. И. Ереминой

Выдающийся языковед, историк литературы и культуры конца XIX—начала XX в. А. А. Шахматов, не будучи по своим профессиональным интересам ни фольклористом, ни этнографом, сумел образцово записать крупнейшие для своего времени коллекции олонецких сказок, калужских песен и причитаний и подготовить одну из наиболее совершенных этнографических работ начала XX в. — «Мордовский этнографический сборник».

Летом 1884 г. студент первого курса А. Шахматов совершил свою первую экспедицию в Олонецкую губернию с целью изучения местных говоров. На выбор им именно Олонецкого края несомненно повлияли результаты поездки сюда известных собирателей 1860—1970-х гг. П. Н. Рыбникова,¹ А. Ф. Гильфердинга² и историка русского языка М. А. Колосова,³ давших помимо записей памятников народного творчества, захватывающих по новизне и интересу, еще и ценные для лингвиста сведения по диалектологии. М. А. Колосов записал в Олонецкой губернии сказки, свадебные и игровые песни и снабдил свои записи обзором фонетических особенностей, ударений, форм словообразования, синтаксиса.

Узкая цель поездки А. Шахматова заключалась в проверке своих выводов о судьбе букв «е» и «ять» в русском языке, но результаты ее оказались значительно шире.

Свою экспедицию в июле—августе 1884 г. А. Шахматов начал из Петрозаводска, затем он обследовал северо-запад Олонецкой гу-

¹ *Рыбников П.* Об особенностях олонецкого наречия // «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». СПб., 1867. Ч. IV. С. 275—299.

² *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. СПб., 1873. С. VII—XLVIII.

³ *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (далее: ОРЯС). СПб., 1977. Т. XVIII. С. 117—207.

бернии по берегу Онежского озера и через Кондопожскую волость Петрозаводского уезда, где он пробыл довольно долго, двинулся дальше на север в Повенецкий уезд.⁴ Он выбрал для экспедиции столь глухой район, так как надеялся «найти там обособленный от влияния городских наречий говор, в котором вместе с тем резко сказывались бы диалектологические особенности».⁵ Путевые заметки А. А. Шахматова отразили его строго научные интересы.⁶ В них совсем нет этнографических описаний, не нашли свое отражение и какие бы то ни было записи, связанные с его личными впечатлениями от увиденного. В экспедиционных заметках Шахматова собраны образцы народного говора (ААН. Ф. 134, оп. 1, ед. хр. 225, л. 1—121, 20 об.—21, 34), выписки из местного архива загадок, пословиц, суеверий и примет (Там же. Л. 13—14. Записи 1848 г.), толкований снов (Там же. Л. 17—18. Записи 1858 г.), выписки из Архангельских губернских ведомостей 1847 г., из Вологодского собрания 1885 г., Пинежского собрания 1850 г. (Архив РГО. I, 10, л. 49), из «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (Там же. Л. 53—53 об.) и т. д.

Лингвистические наблюдения за местными говорами А. Шахматов отразил в отчете, прочитанном им на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое проходило 3 октября 1884 г. в Политехническом музее. В своем докладе он отметил, что говор в Кондопожской волости Петрозаводского уезда не отличается чистотой, так как в нем заметно смешение наречий, а также сильное влияние петербургского говора. В Заонежье А. Шахматов имел возможность наблюдать «два говора, очень сильно отличающиеся один от другого».⁷ Первый говор был обнаружен им в Великогубской волости Петрозаводского уезда и Шуньгской Повенецкого и был назван Кижешуньгским (или ляпающим). Второй говор, отмеченный в Толвуйской волости Петрозаводского уезда, получил название Толвуйского. «Нужно заметить», писал в своем отчете А. Шахматов, что «между этими двумя народностями — Кижешуньгской и Толвуйской — лежит очень существенное различие, в особенности, если поставить это замечание (...) в связь с наблюдением покойного Гильфердинга относительно того, что кижские певцы „совершенно иначе поют былины, чем толвуйские“».⁸

Занимаясь диалектологией, исследователь неизбежно становится и этнографом, и фольклористом, так как диалектология сама по себе есть дисциплина вспомогательная, и частью она входит в языкознание, а частью в этнографию. «Это сопрякосновение диалектологии и этнографии имело результатом то, что Алексей Александрович [Шахматов] посте-

⁴ Материалы экспедиции А. А. Шахматова см.: ААН. Ф. 134, оп. 1, № 80. См. также: *Шахматова-Каплан С.* Олонецкие фольклорные записи А. А. Шахматова // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948. С. 11.

⁵ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию // Тр. этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1886. Т. 48. Вып. 1. Кн. 7. С. 53.

⁶ *Шахматов А. А.* Путевые заметки // ААН. Ф. 134, оп. 1. № 225.

⁷ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической экспедиции в Олонецкую губернию. С. 54.

⁸ Там же.

пенно становился и этнографом, не ставя, впрочем, этнографии своей ближайшей специальностью». ⁹ В свою первую экспедицию А. Шахматов записал значительное количество фольклорного материала, причем в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в русской фольклористике. М. К. Азадовский, оценивая качество записей А. Шахматова, писал: «Нужно признать, что безукоризненных записей памятников фольклора очень мало, — записи диалектологов бывали часто наименее удачными. Это потому, что они стремились, главным образом, уловить фонетические и морфологические особенности говора, вслушиваясь в „слова“, часто теряли из виду речь в целом, отсюда меньшее сравнительно внимание к целостному строю народной речи, к ее синтаксису. Записи Шахматова в этом отношении действительно безупречны, хотя чисто фольклористические проблемы в ту пору его менее интересовали». ¹⁰

И тем не менее фольклористические результаты первой поездки А. Шахматова в Олонецкий край оказались очень значительными: он записал 71 сказку, 10 былин, большое количество свадебных песен и причитаний, 30 загадок и 2 духовных стиха, которые впервые публикуются ниже.

Духовные стихи А. А. Шахматов записал в Кондопожской волости в деревне Верхне-Заднее, расположенной в пяти километрах от села Кондопога от одной из лучших сказительниц этого района Степаниды Юплиновны Тараевой (ААН. Ф. 134, оп. 1, л. 4, с. 2—8; л. 4, с. 4, столб 2; л. 5, с. 1). От С. Ю. Тараевой помимо духовных стихов А. А. Шахматов записал сказки, былины и свадебные причитания.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. О Егорни Храбром и Елисафии

- Перево́й го́род-помо́р го́род,
 Дру́гой го́род-ца́рьсво Рахлы́нское.
 Как помо́р — го́род он скво́зь землю шо́у,
 Херуви́м — го́род он огнё́м пошо́у.
 5 На то́о ца́рьсво Рахлы́нское
 Напуша́у Го́сподь зме́й люты́й.
 Она́ нача́ла ходи́ть по го́роду,
 Ема́ть (жимать) се́би голо́ву.
 [Первуа] голо́вушку си́би ку́рячью,
 10 А в дру́гих голо́вушку скоты́нную.
 Те́перь ты́х голо́в ма́ло в ца́рьсвии ста́витця,
 А те́перь зме́й да на́до го́лова
 А голо́вушка це́ловеце́цька.
 То́гда всё́ ли ца́рьсво сволно́ва́лося,

⁹ *Истрин В. И.* А. А. Шахматов как ученый // Изв. ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 24.

¹⁰ *Азадовский М. К.* Предисловие // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск. 1948. С. 7.

- 15 Весь народ в одно место съезжались,
Съезжались вси царю-царици,
Ай вси короли, коралёвици.
Приезжал к ним в думу
Тут Огапит-царь.
- 20 И ёны думу думали о головах,
О головушках о целовецехских.
Ай совет дали да кидать жеребей,
Кидать жеребьё да о головах,
Что кому итти да ко синю морю,
- 25 Ко лютой змеи на съеденье,
Ко проклятой змеи на прожренье.
[Тогда] а пошоу домой да с Огапит-царь,
Как стречала ёго да молодá женá,
Мóлода царица государыни,
- 30 Она здравовáла своему мужу:
«Ох, что здравсвуй, муж мой Огапит-царь,
А ты что же царь идёшь кручиноват,
Ты кручиновят да царь печаловят,
К не собаки ль ты да приоблаили,
- 35 И не добры люди ты приоблаили,
Аль ты обчесьтво, да царь, обидило,
Аль в кумпаньи тибя приубняли».
А тут есть споречит Огапит-царь:
«Ай же, мóлода царица-госудáрыни,
- 40 Не собаки меня приоблаели,
Не добры люди меня оббáяли,
Мéня общество не обидило,
Мéня в кумпаньи царя не обнесли,
А тут советовали кидать жеребей,
- 45 Кидать жеребей о головушках целовецехских.
Выпадáл тут жеребей на царьский двор,
Да на царьский двор, да на меня царя,
На меня царя да на Огапитá».
Как спроговорит мóлода женá,
- 50 Мóлодá царица-государыни:
«И не кручинися царь и не печáлуйся,
У нас есть-то дóчи да единая,
Дочь единая, дитё любимоё,
Молода ли Адисафия Агапевна;
- 55 Она не нашу веру она верует,
А не нашим Бóгам ёна молитця.
Она веру верует хресьяньскую,
Ёна Богу молитця распятому,
А мы ю даим да ко лютои змеи,
- 60 К лютой змеи даим на съедение,
Ко проклятой даим на прожренье.
Ты поди-тко, царь, да к своёй дочери,
А во свётлу поди свётлицу
А во нову поди к ней во горницу,
- 65 Ты е хрес положи по-писаному,
Ты поклон веди да по-учёному,
А нá вси четырё да на стóроны.

- Ты е здравствуй своей милой дочери. —
«Уж ты здравствуй, моя дочь премилаа,
70 Молода Алисафия Агапевна.
Я тиби, дочіі, нынь радость скажѹ,
Я те радость скажу, дочь, великую,
Что с той сторонушки да с Земли Руськоѳй,
Зѳмли Руською да приши сватовá.
75 А пришли сватовá да дочку свátати.
Я тебя, дочи, хочѹ замѹж отдáти
А во тую Зсмылю во Руськую.
Там не нашим Бóгам ёны молотца,
Ёны Бóгу молотца респятому.
80 Ты ставáй-ко, молодá Лисафия,
Ты ставáй по утрышку ранешенькó,
Умывáйся, дóчи, ты белѳшенькó,
А снаряжайся, дочька, хорошóхонько,
А тибя, дочіі, да тут смотреть будут».
85 Не досѹг тогда былó Огапиту,
Не досѹг ёму да тѳмной ночки спать,
Ёму вряд ли былó добрых коней искать,
Добрых конюшков да неезженных,
А не сжденых да не дѳкчєнних.
90 Он взыскал курѳтушку чóрную,
Курѳту чорную да ету тѳмную,
В туи курѳтушки да есть детинушка,
Детинушкá ла повáленой.
Прямо едѳт он да к Алисафии,
95 Приеидял тут к неи да на белой двóр,
Тóгда вставáла молода Алисафиá,
Умывáла личинько белоѳ,
Утирала лицько своё белоѳ,
Выходила она тут на белый двор,
100 На белом двори да томный конь стоит,
У нѳгó гóлова да повишенá,
А тут стоит курѳтушка черная.
Подходила к курѳтушки девушкá,
Молода Алисафия Агапиевна,
105 Говорила ричи ёна томныи:
«Ай же, молодой ты дитинушка,
Ты дитинушка да е повáленой,
Подожди меня да ты минутой час,
Погоди девица снарядитися,
110 Я не смѳеню, бедна, слова родительска,
Я пойду беднá ко синнó морю,
А к лютой змеи да на оседениѳ,
Ко проклятой на прожрениѳ».
Тогда мóлódá Олисафия
115 Цветно платьицѳ роздеваласи,
А в чорно платьицѳ снаряжаласи,
А тут брала в руки книгу евангельскѹ,
Тут брала три иконы Божиих,
[Три иконы Божиих]:
120 Первую икону самому Христу,

- Другую ико́ну причистой Богородици,
 Третью икону Ёгорию Храброму.
 А ёна Господу помолиласи,
 К мать-земли ёна да поклониласи,
 125 [На покло] (а во двор ёна тут есть пошла),
 А с покою ёна да во двор пошла,
 Приходила она к лошадке томно́й,
- Ко куретушки да ко черно́й.
 Ёна с батюшко́мы попростиласи,
 130 В резвы ноженъки паклониласи.
 А только видли девушку в курету сядучи́сь,
 А не видли девушки поедучи́сь,
 Привези́ў дитинка да поваленной,
 Привези́ў тут ён ю ко синю́ морю.
 135 Станови́ў к кусту ко раки́тову.
 Тут прощаласи, благословляласи
 С молодым детинушкой повалени́м:
 «Ты прости меня, доброй молодёць,
 А на веки мене́ нерушимую».
- 140 Тогда́ молода да Алиса́фия,
 Тогда брала ико́ны она Божня́,
 Приставляла к кустышку раки́тову,
 Ёна стала про́сить да Господа́,
 Самого Христа цря небесного,
 145 Во в других просить пречисту Богороди́цу,
 В трёхтьх просить Ёгория Храбл́ого.
 Ста́ла чи́тать книгу да Еванъеля.
 Про́лила слезы́ да с глаз горяю́чи.
 А как зглянула ёна во в чисто́ полё,
 150 Во в чисто́ полё, во синё́ морё,
 А во чистом поли́ да ажно конь бежит,
 На добром кони́ доброй молодёць,
 Доброй молодёць и ён усажёнóй,
 Прямо едет ён да ко кусту раки́тову,
 155 И прямо едет он да к Алиса́фии,
 К Алиса́фии к Агапи́евной.
 Он тут скрыкнул тогда жалким голо́сом:
 «Ай же молодá Алиса́фия,
 Алиса́фия ты Агапи́евна,
- 160 Ты держи у меня да добра́ коня,
 Ты возьми в руки́ да шолко́в повóд,
 Ты свежи коня да к кусту раки́тову,
 Поиши же ты да Алиса́фия,
 Поиши же у мян буйной го́ловы,
 165 Уж я так, молодець, отдохнуть хочю,
 Ты головушко́ у мян поискивай
 И на синё́ морё ты поглядывай,
 А как сколыбнетса да синё́ морюшко,
 Как расходитца страшная волна́,
 170 Тут покажется да змея люта́я,
 Ты тогда меня да со сну́ буди».
- Стала молода да Алиса́фия,

- Стáла головушку јискать у нёго.
Как зглянула ёна на синё морё,
175 Синё морюшко скалыбалося,
Страшнаа волна да росходилася,
А змея лютая да оказалось.
Тут плувёт змея ухвиляетця.
И я теперь, змея, да выдь сыта будú,
180 И есть две головы мни чловецецьких,
[Еще две] третья голова да лошадиная.
Тут расплакалась Алисафия,
Пролила с очей горючй слезы,
У ней слёзыньки призакапали
185 К добру молодцю на бело лицё.
Тут доброй мóлодець он со сну скочиў,
[Доброй молодець он со сну скочиў],
Он скакал на своёго добрó коня,
Ён-то в ручку брал жозло востроё,
190 Ён тут стал да е по полю разъездивать,
Разъездивать да разгуливать,
Уж ён стал змею ён ту меать-топтать,
Меать-топтать и жозлом колоть,
И ён жозлóm колоў да приговариваў:
195 «А уж ты быдь, змея, ты кротка, смирна,
И [уж] ты кротка, смирьна, как скотиника».
Тут как рыкнул добренькой да молодець:
«Ай же, молода да Алисафия,
Алисафия Агапиевна!
200 Ты возьми-тко свой да шолков пояс,
Ты свяжи змею на шелков пояс,
Ты веди змею в царство Рахлыньское,
Ты веди змею к своему отцю,
К своему вотцю веди на белый двор».
205 Тóгда молодá Алисафия
Подава́ла ёна как шолков пояс,
А Егорию свет тугда Храбломú
Подавала јена свой шолков пояс.
Ён связал змею на шолко пояс,
210 Ён давал змею да Олисафии.
Алисафия прослезилася,
Очи ясныя да помутилися,
В белом личенькй кров изменилася.
Ёна Егорию свету да скорилася:
215 Ёна в ноженьки поклонилася:
«А Егорей свет и ты мой батюшкó,
Как свёду змею в царство Рохлыньскоё,
Мни куды ю класть к своёму вотцю».
«Ты веди к отцю да на белый двор,
220 Станови к стоўбу ко точономú,
А к околечку свяжи золоченому».
«Дай-ко, батюшка, заповедь великую,
Чтобы поверовали веру руськую,
А чтобы строили церкви соборныи,
225 А три церкви строили соборныя,

- А перву церковь е да самому Христу,
Другу церкву е пречистой Богородици,
А третью церковь е Ёгорию Храблomu,
А угоднику ещё Божию,
230 А помощнику да Алисафину.
А ты сведи змию спусти да во синё морё,
Ты спусти змию на круты бёрега.
А тут змия тогда да рассыпалася,
Прироссыплется на змиёныши,
235 А по земли [бы] жёны да будут плавати».
Тогда молодá да Олисафий
А проводила змею в царство е Рахлыньскоје,
Приводила к батюшку к белу двору.
Тут как крыкнула жалким голосом:
240 «Ай же, батюшко мой Огапит-царь,
И отворяй-ко ты мни свой белый двор,
Ты пусти змию да на белый двор,
А во тоё царство да Рахлыньскоё.
Я спущу змию когда на волюшку,
245 А приест ёна вас да до единого,
Не оставит вас ёна вас на симена».
А тут спугался батюшко Огапит-царь,
Возмолился дочери премилое:
«Уж ты здравствуй, дочь моя любезная,
250 Не губи меня, своёго отца,
Царя Огапита, и мы поверуём да веру руськую,
Дам я клятву ту да великую
И я сострою церкви три соборных:
Перву церковь е самому Христу,
255 Другу церковь е пречистой Богородици,
Третью церковь е Ёгорию Храблomu,
А угоднику ещё Божию,
А помощнику да Алисафину».
Тогда взяла молодá да Алисафий
260 Ёна взяла змию за шолков пояс,
Ёна свёла змию ко синю морю,
Ёна тоукала ю да в круты бережок.
«Ты рассыплись-ко, змея лютая,
На жолты песочки меленьки,
265 А на маленьки да на змеёныши.
Пушай по земли жёны плавают,
А головушок пушай не трогают.
А во веки веков аминь,
Алисафии славу поим».

2. О страшном суде

- Плачу я, рыдаю, смеёратные час замышляю,
Душа с телом росставалося.
На страшен суд зготовляласи умерши,
От гробов встанут, с небес сойдёт суда праведен,
5 С небес сойдет Михайла Архангел.

- С престолом сойдет он со Господним,
На гóру сойдёт на Фараоньску,
Во вструбит он да в трубу злату.
Все земля опокетется,
- 10 Солнышко к мисяцю таются
И звезды все на землю сподуты.
В другой раз вовструбит в трубу злату:
«Ставайте-тко, умерши из гробов,
Которы вам праведные души,
- 15 Ставайте полком вы одну
Воротитесь лицами ко востоку —
Отвержены райски вам двери,
Сготовлена райская вам пища,
Ризы нетленны изнасились».
- 20 Спроречит Михайла Архангел:
«Ставайте вы, грешники и грешници,
Ставайте поўком вси о шую,
Ставайте под западовы лицами,
Станьте к остоку вы хребтамы,
- 25 Сотвориў Господь вам вечну муку
Отныня вам мука до века.
Там будет вам река огнянная,
Будет люта смóла кипячоная,
Будет вам олово горячее».
- 30 Росплачются грешные души,
Припадут Михаилы на коленка:
«Ай же ты, Михайла, наш архангел,
Что ли ты нас в рай не спущаешь,
Небесного царствия лишаешь».
- 35 «Ай же вы, грешные души,
Вы сторожены от Адама и от Иеўвы,
Сосланы были на ту рудную землю
Ради вы душевного спасения.
Вы ведь брат е брата не любили,
- 40 Суседа суседом не нарекали,
Дитей жидовами называли,
Жиды у Христа света проклятыє
Именем Господним».
- Тут вовструб Михаил как архангел
- 45 В третий раз вовструбит трубу злату
Горы и шелья распадутся,
От остока протечет река,
Прольёт река огнянна,
Пожрет река эта огнянна,
- 50 Пожрёт горы и каменя
Со скотищем, пожрет она со звёрямы,
Со всею нечистою тою силою.
Пожрёт рика ёще огнянна,
Грешников пожрёт рика огнянна.
- 55 Во веки веков аминь.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. О Егории Храбром и Елисафии

В русской традиции известны два сюжета духовного стиха о Святом Георгии: мучения Егория и змееборческий о Егории и царевне (так называемые «большой» и «малый» стихи). Различные варианты стиха о Егории и царевне получили распространение преимущественно в районах Русского Севера, Поволжья, в Белоруссии, Смоленской области и среди русских старообрядцев Латгалии и Причудья. Публикуемый текст представляет собой полный вариант духовного стиха «О Егории Храбром и Елисафии (Олисафии)», получивший распространение в севернорусской традиции. Сюжет включает в себя 22 традиционно устойчивых мотива (подробный анализ всех известных вариантов «малого» стиха и схемы развития действия см.: *Хлыбова Т. В.* «Стихи о святом Георгии — Егории» (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории текста. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1994). В письменной традиции стих «О Егории Храбром и Елисафии», как и большинство духовных стихов эпического плана, не получил широкого распространения и дошел до нас в рукописных сборниках духовных стихов в единичных списках.

Литература: *Веселовский А. А.* «Разыскания в области русских духовных стихов». СПб., 1880. Вып. 2; СПб., 1891. Вып. 6; *Кирпичников А. И.* «Святой Георгий и Егорий Храбрый». Исследования литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909; *Соколов Б. М.* «Большой стих о Егории Храбром». М., 1995.

2. О страшном суде

Стихи эсхатологической направленности о конце света и о страшном суде получили широкое, повсеместное распространение, преимущественно в старообрядческой среде. Основа сюжета стиха «Плачу я, рыдаю...» — страшный суд и последующее за ним наказание грешников. По тематике и структуре (центральный эпизод стиха представляет собой диалог между Михаилом-архангелом и душами грешников). Стих «Плачу и рыдаю...» близок к известным духовным стихам о Михаиле-архангеле (см.: *Варенцов В.* «Сборник русских духовных стихов». СПб., 1860) и «Плачу я и ужасаю» (см.: *Бессонов П.* «Калики перехожие». М., 1863. Вып. V). Однако текст стиха оригинален и не является вариантом и компиляцией вышеуказанных текстов.

Многочисленные варианты стиха см.: Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. Н. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря // Тр. музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2.